

СТРАТЕГИИ БИЗНЕСА

анализ | прогноз | управление

Business Strategies

электронный научно-экономический журнал

Издается с 2013 года

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ
www.strategybusiness.ru «Стратегии бизнеса»
Издается с 2013 года
DOI: 10.17747/2311-7184-2021-10

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77–56252 от 28.11.2013

Периодичность издания – 12 номеров в год.

Учредитель и издатель – Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Реальная экономика»

Основные темы издания – стратегическое управление, поиски конкурентных преимуществ; управление инновациями и предпринимательство; управление эффективностью и результативностью деятельности; человеческий капитал; власть и контроль в компании; стратегические альянсы, слияния и поглощения; динамика социально-экономических систем; управление информационными ресурсами компании; глобальный бизнес, менеджмент в мультикультурной среде; планирование и прогнозирование.

Цели и задачи – важнейшими задачами журнала являются: обобщение научных и практических достижений в области стратегического управления предприятиями, повышение научной и практической квалификации менеджеров, бизнесменов.

Научная концепция издания предполагает публикацию современных достижений в области стратегического менеджмента, результатов научных исследований по данной тематике.

К публикации в журнале приглашаются как отечественные, так и зарубежные ученые и практики.

В журнале публикуются оригинальные статьи, результаты фундаментальных исследований, направленные на изучение стратегического анализа предпринимательской деятельности; изучение бизнес-стратегий; кейсы, лекции и обзоры литературы по широкому спектру вопросов экономики, а также результаты экспериментальных исследований. Большое значение редакция журнала уделяет вопросам подготовки кадров по специальности «Менеджмент».

Публикация всех материалов осуществляется бесплатно после оценки рецензентами. Качество статей оценивается посредством двустороннего слепого рецензирования.

Индексируется в базах данных – Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), DOAJ (Directory of Open Access Journals), RePec: Research Papers in Economics, CyberLeninka, Академия Google, Соционет, WorldCat и других.

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор журнала – к.э.н., доцент кафедры «Стратегический и антикризисный менеджмент» Финансового университета при Правительстве РФ
Алексей Николаевич Кузнецов.

Адрес редакции: 190020, Санкт-Петербург, Старо-Петергофский пр.,
43–45, лит. Б, оф. 4н
Телефон: (812) 346–50–15 (16)
Факс: (812) 325–20–99
e-mail: info@strategybusiness.ru
www.strategybusiness.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Трачук Аркадий Владимирович – доктор экономических наук, профессор, декан факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, генеральный директор АО «Гознак», Москва.

Тебекин Алексей Васильевич – профессор кафедры менеджмента Московского государственного института международных отношений МИД РФ, д.т.н., д.э.н., профессор, почетный работник науки и техники РФ.

Клейнер Георгий Борисович – заместитель директора ЦЭМИ РАН, руководитель научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика», д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН.

Колесник Анатолий Петрович – Советник руководства ПАО «Почта Банк», д.э.н., к.т.н.

Юданов Андрей Юрьевич – член Европейской ассоциации историков бизнеса, заместитель председателя совета по проблемам экономической теории, маркетинга и менеджмента Финансового университета при Правительстве РФ, д.э.н., профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ.

Ряховская Антонина Николаевна – д.э.н., профессор Департамента менеджмента Финансового университета при Правительстве РФ, Заслуженный экономист РФ.

Растова Юлия Ивановна – профессор кафедры менеджмента и инноваций Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

289	Некоторые императивы реализации корпоративной социальной ответственности
292	К вопросу о развитии инновационной активности на национальном рынке
296	Экономический эффект от внедрения цифровых технологий в горнодобывающей отрасли
301	Актуальные проблемы таможенного оформления иностранных товаров при расхождении сведений об их количестве в документах
306	Корпоративная социальная ответственность как фактор устойчивого развития компании

DOI: 10.17747/2311-7184-2021-10-289-291
УДК 656.1

Некоторые императивы реализации корпоративной социальной ответственности

А.Р. Ключева, магистрант

Ю.И. Растова, д.э.н., профессор

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Авторы систематизируют значимые концепции и проблемы в области социальной ответственности в контексте деловой этики, сохранения здоровья людей, их жизни, окружающей среды, соблюдения интересов государства и общества, экоэффективности.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, социально-ответственное инвестирование.

Some imperatives of implementing corporate social responsibility

A.R. Klyusheva, Master's student

Ю.И. Rastova, Doctor of economic Sciences, prof.

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The authors systematize significant concepts and problems in the field of social responsibility in the context of business ethics, preserving people's health, their lives, the environment, respecting the interests of the state and society, and eco-efficiency.

Keywords: corporate social responsibility, socially responsible investment.

Статья Э. Карнеги «Wealth», более известная как «Евангелие богатства» (The Gospel of Wealth), где обосновывается необходимость филантропии со стороны нового высшего класса предпринимателей для сглаживания неравенства в богатстве, была написана еще в 1889 году.

Научное сообщество и бизнес все большее внимание уделяют проблемам корпоративной социальной ответственности (Corporate social responsibility, CSR, КСО).

С участием экспертов из более чем 90 стран и 40 международных и региональных организаций, вовлеченных в различные аспекты социальной ответственности, был подготовлен международный стандарт ИСО 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности» (ISO 26000:2010 «Guidance on social responsibility»). В России на его основе принят ГОСТ Р ИСО 26000–2012. «Руководство по социальной ответственности». Стандарт определяет такие ключевые темы в области социальной ответственности: организационное управление; права человека; трудовые практики; окружающая среда; добросовестные деловые практики; проблемы, связанные с потребителями; участие в жизни сообществ и их развитие.

Крупные компании активно внедряют международные стандарты нефинансовой отчетности (GRI, A1000AS, SA 8000), реализуют пилотные программы интегрированной отчетности (IIRC).

В настоящее время широкое распространение получило так называемое социально-ответственное инвестирование, когда инвестор оценивает возникающие предложения по экологическим, социальным и управленческим критериям (ESG), то есть набору стандартов деятельности компании, исключающих недобросовестные экологические, социальные (в частности, трудовые), корпоративные практики, связанные с существенным финансовым риском. Как пример, разливы нефти BP в 2010 году, скандал с выбросами Volkswagen, авария в Норильске в 2020 году. Таким образом, КСО в контексте ESG-критериев не ограничивается этическими соображениями.

Если с позиций ресурсной теории фирмы социальная активность организации понимается «как деятельность по преобразованию ее социальной сферы, направленная на повышение качества труда и качества жизни работников организации и членов их семей», то с точки зрения создания ценностей это не только корпоративная ответственность перед работниками и в области экологии, но и определяется позицией, касающейся прав человека, борьбы с коррупцией, многообразие в составах советов директоров и т.д. [6; 7; 8].

Подходы организации к решению задач социальной ответственности все чаще формулируются в составе стратегических целей ее развития.

Сегодня актуальными научными концепциями в области КСО являются:

- «пирамида КСО» А. Кэрролла (A. Carroll's CSR «pyramid») [11];
- экологические обязательства К. Дэвиса и Р. Блумсторма [13];
- корпоративное гражданство (corporate citizenship, CC) [12].

Как относительно самостоятельные и завершённые подходы в области КСО авторы рассматривают классический, интегрированный подходы, концепции «разумного эгоизма» и «корпоративного альтруизма» [5].

Большое внимание уделяется национальным особенностям в реализации принципов КСО, влиянию ментальности и комплементарности на принятие решений в этой сфере [1; 4; 9]. Так, российская модель корпоративной

ответственности ориентирована на участие компаний в создании и реализации проектов социального развития территорий на местном и региональном уровнях. В качестве примера можно привести социальную программу «Российские города» ПАО «Газпромнефть», заботу о собственном персонале и инфраструктуре городов «ГМП «Норильский никель».

В отечественных компаниях наблюдается персонализация инициатив на уровне топ-менеджмента, организация материальной помощи сотрудникам, оказавшимся в тяжелых жизненных обстоятельствах, участие в донорском движении и др.

Современный контекст организаций определяет необходимость сформировать собственную позицию относительно воздействия на окружающую среду и сохранения ресурсов, эко-эффективности. Руководящим принципом эко-эффективности является оптимизация эколого-экономического соотношения желаемой продукции и необходимых ресурсов [14].

Для сохранения и возобновления ресурсов следует руководствоваться концепцией 4R:

- resource – ответственный выбор ресурсов, используемых в производстве;
- recycling – вторичная переработка материалов и компонентов продукции;
- regulations – соблюдение нормативных требований, технический аудит, аудит систем контроля качества, сертификация СМК на соответствие требованиям стандартов;
- reputation – повышение репутации компании [10].

В числе ключевых показателей эффективности компаний все чаще встречаются индикаторы первичного и вторичного углеродного следа, корпоративного водного следа, энергопотребления, длины логистической цепочки, размера экономии материалов, энергии или рабочего времени и т. д.

Внимание специалистов сегодня сфокусировано на оценке «материального входа на единицу услуги или полезного продукта» (MIPS) ущерба от хозяйственной деятельности (ущербоемкость), определении размера платы за выбросы и стоки, на обосновании косвенных методов эколого-экономического воздействия [2].

Важным фактом в части трудовых практик как ключевой темы КСО является измерение на систематической основе индикаторов достойного труда и качества занятости, рекомендованных Международной организацией труда. В рамках своих программ КСО организации должны стремиться исключить случаи неформальной занятости, чрезмерной продолжительностью рабочего времени, несоответствия занятости профессиональными навыками, использования детского и принудительного труда.

Сегодня активно обсуждаются возможности «зеленых» информационных технологий (Green IT), то есть использование ИТ-ресурсов энергосберегающим и экономически эффективным образом. С одной стороны, сама техника должна содержать минимальное количество экологически опасных материалов, быть энергоэффективными во время их использования, утилизироваться или перерабатываться с минимальным вредным воздействием на окружающую среду и здоровье человека. Однако сегодня в центре внимания – роль информационных систем в создании как экологически устойчивых бизнес-процессов, так и продуктов, которые они создают. Задачами Green IT являются мониторинг и отчетность в производственных системах, организация контроля и отчетности в области использования отходов, токсичных и опасных материалов, управление энергоемкими объектами (например, управление транспортом и зданиями), отслеживание цепочки создания экологически чистых продуктов, перепроектирование бизнес-процессов и виртуализация офисов и т. д.

Среди современных форм КСО:

- корпоративное пожертвование – пожертвование или дарение денег, материальных ценностей, а также бесплатное предоставление услуг, продуктов и логистики компании;
- социальное спонсорство – открытие новых каналов коммуникации для компании и новых каналов финансирования для благотворительной организации;
- прием маркетинга – это маркетинговый инструмент, в котором покупка продукта / услуги продвигается, когда компания жертвует часть выручки на социальные цели или передает в качестве «пожертвования».
- корпоративные фонды – относятся к основанию фондов компаниями;
- корпоративное волонтерство – социальное участие компаний через инвестирование времени, ноу-хау и знаний их сотрудников, а также поддержку добровольной работы сотрудников в рабочее и нерабочее время;
- социально ответственные отношения – наем людей с ограниченными возможностями и находящимися в неблагоприятном социальном положении, а также контракты с компетентным и конкурентоспособным поставщиком и поставщиком услуг;
- государственно-частное партнерство;
- социальное лоббирование – использование контактов и влияния компании в целях благотворительных организаций или для интересов определенных групп в сообществе;
- венчурная благотворительность – вложение средств и ноу-хау в благотворительные организации в течение ограниченного времени и в рамках отдельного проекта при наличии предпринимательского риска [3].

В качестве направлений дальнейших исследований в области КСО специалистами обозначаются следующие проблемы:

- особенности содержания КСО в глобальном контексте, в разных регионах мира, развитых странах, в развивающихся странах и КСО в странах с развивающейся и переходной экономикой;
- особенности реализации КСО в корпоративном и государственном секторах, в организациях гражданского общества;

- степень влияния уровня «стратегического лидерства» руководства на склонность компании к реализации КСО;
- особенности реализации КСО в малом предпринимательстве с акцентом на ответственности перед собой и семьей;
- фокусирование на гендерном контексте (например, личная неприкосновенность).

Список литературы

1. Батаева Б.С. Социально ответственное поведение компаний малого и среднего бизнеса в России: кросс-культурные координаты Г. Хофстеде / Б.С. Батаева, Л.М. Чеглакова, О.А. Мелитонян // Российский журнал менеджмента. 2020. Т. 18. №2. С. 155–188.
2. Бездудная А.Г. Методы и инструменты управления эффективностью природопользования на промышленных предприятиях: монография / А.Г. Бездудная, М.Г. Трейман. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2016. 192 с.
3. Бездудная А.Г. Управление операционной эффективностью в секторе нефинансовых корпораций и в малом предпринимательстве / А.Г. Бездудная, Ю.И. Растова, В.И. Сигов. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2019. 165 с.
4. Гасанов Г.С. Современные тенденции бизнес-менеджмента: взаимодействие комплиментарности и ментальности: монография. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2019. 127 с.
5. Каримова С.А. Корпоративная социальная ответственность как источник социального капитала организации: монография. М.: Креативная экономика, 2020. 208 с.
6. Корпоративное управление: вопросы теории, проблемы практики: коллективная монография / М.И. Барабанова, И.Ф. Ветрова, Г.С. Гасанов и др. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 230 с.
7. Кузнецов А.Н. Особенности управления человеческими ресурсами в контексте ресурсной теории фирмы // Стратегии бизнеса. 2018. №6 (50). С. 43–47.
8. Растов М.А. Устойчивое развитие как критерий эффективности управления в современной организации / М.А. Растов, Е.Ю. Суслов // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и техники. Сборник научных статей международной конференции: электронный ресурс. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. С. 2545–2547.
9. Растов М.А. Японская модель социальной ответственности бизнеса // Проблемы и пути развития предпринимательской деятельности в современных условиях: материалы VII Межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и докторантов. СПб. Изд-во СПбГИЭУ, 2011. С. 172–173.
10. Хейзер Дж. Операционный менеджмент. 10-е изд. / Дж. Хейзер, Б. Рендер; пер. с англ. СПб.: Питер, 2015. 1056 с.
11. Carroll, A.B. Carroll's pyramid of CSR: taking another look // International Journal of Corporate Social Responsibility. 2016, vol. 1 (3). URL: <https://jcsr.springeropen.com/articles/10.1186/s40991-016-0004-6>.
12. Crane, A., Matten, D. Business ethics: Managing corporate citizenship and sustainability in the age of globalization. 2nd ed. Oxford University Press, New York. 2007. 648 p.
13. Davis K., Blomstrom R.L. Business and society: Environment and responsibility. Ethical Theory of Business. 1975. 95 p.
14. Schaltegger S., Sturm A. Ökologische Rationalität = Environmental rationality // Die Unternehmung. 1990. Vol. 4. P. 273–290.

К вопросу о развитии инновационной активности на национальном рынке

В.Е. Зарембо

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
к.э.н., доцент кафедры менеджмента и инноваций
dr.zarembo@gmail.com

Д.А. Степаненко

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
к.э.н., доцент кафедры менеджмента и инноваций
kadar_77@mail.ru

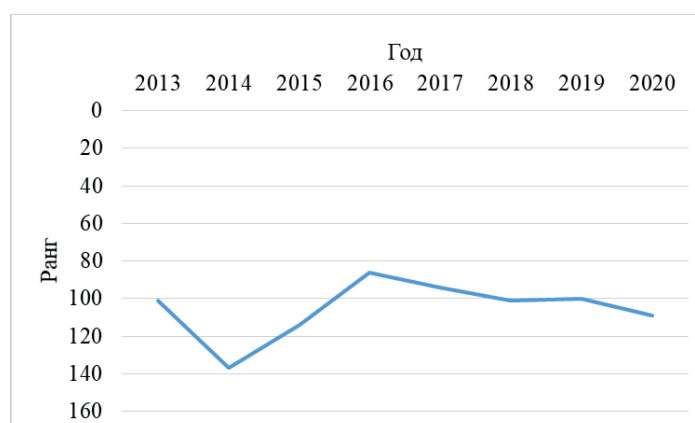
Аннотация. На основе анализа глобального индекса инновационной активности Таджикистана выявлено три группы показателей. Исследование показателей, входящих в группу «неоцененных экспертами», позволило сделать вывод о наличии инновационного потенциала страны. Была предложена классификация инноваций по созданию и использованию. Были разработаны направления повышения инновационной активности и сделаны предположения о необходимости внедрения мероприятий по развитию внутреннего рынка инноваций, а также стран ЕАЭС на фоне реализации модели «тройной спирали».

Ключевые слова: инновации, внедряемые инновации, классификация инноваций, инновационная активность, инновационная экосистема, устойчивое развитие.

Уникальность Таджикистана, обусловленная геополитическими, социально-культурными, климатическими и другими особенностями, привела к существенным различиям инновационной экосистемы. Исследование инновационного потенциала Таджикистана позволяет определить основные направления развития экономики страны в условиях глобализации, совершенствовать инновационную государственную политику и разработать меры по стабилизации экономического положения.

Инновационная активность Таджикистана, согласно Глобальному индексу инновационной активности, имеет скачкообразное изменение (рис. 1).

Рис.1. Динамика инновационной активности Таджикистана, 2013–2020 гг.

Несмотря на снижение уровня инновационной активности страны с 2016 г., можно отметить, что в 2019 году сотая позиция была оценена как прочная по уровню доходов.

Анализ текущего положения позволяет выделить три группы показателей:

- обеспечивающие устойчивое положение страны в области инноваций,
- ослабляющие инновационную активность страны
- неоцененные показатели, которые могут стать инновационным потенциалом.

К показателям, обеспечивающим прочное положение страны, относятся 1.3.1. «Простота открытия бизнеса», обеспечивающий Таджикистану 34-е место в общем рейтинге, компонент 4. «Развитость рынка» – 60-е место, в т.ч.

4.1. «Кредит» – 22-е место

4.1.1. «Легкость получения кредита» – 10-е место

4.1.3. «Валовый кредитный портфель микрофинансовых организаций, %ВВП» (Совокупный валовый

остаток кредитов на микрофинансовое учреждение (в текущих долларах США), деленный на ВВП (в текущих долларах США) и умноженный на 100) – 2-е место.

Вместе с тем, показатель 4.1.2. «Внутренний кредит по частному сектору, %ВВП» находится на одном из последних мест в общем списке – 123-е место, но не отмечен экспертами как слабая сторона или критерий, отражающий экономическую слабость страны.

К показателям, существенно снижающим глобальный рейтинг Таджикистана, относятся следующие:

- 1.2.2. «Соблюдение законности» – 130-е место
- 2.3.3. «Глобальные научно-исследовательские компании, топ-3» – 42-е место
- 2.3.4. «Средний рейтинг университетов (3 лучших вуза)» – 77-е место
- 5.2.5. «Семейства патентов, поданных минимум в 2 ведомства» – 101-е место
- 5.3.1. «Платежи за интеллектуальную собственность» – 118-е место
- 7.1.2. «Мировая стоимость бренда, топ-5000, %ВВП» – 80-е место
- 7.1.3. «Промышленные образцы, позволяющие создать новые бизнес-модели» – 120-е место.

Еще одна группа показателей, которая является крайне противоречивой в анализе уровня инновационной активности Таджикистана, – 6. «Результаты/ доходы от знаний и технологий» – 77-е место. По данному направлению можно выделить явные сильные стороны:

6.1. «Создание знаний» – 55-е место, которое обеспечивается за счет 6.1.3. «Заявки на патентные модели» – 5-е место. Однако 6.1.2. «Удельный вес нового бизнеса» (Количество новых фирм, определяемых как фирмы, зарегистрированные в текущем отчетном году, на тысячу населения в возрасте 15–64 года) – 100-е место и 6.1.5. «Цитируемость документов (индекс Хирша)» – 130-е место.

Также можно увидеть высокий уровень 6.2.1. «Темпы роста ВВП на одного занятого человека» – 13-е место, который нивелируется 6.2.4. «Сертификаты качества ISO 9001 (хотя, это не является необходимым)» – 131-е место.

Вместе с тем, в перечне показателей есть несколько значений, которые еще не определены для Таджикистана. На них следует обратить особое внимание, т.к. они могут представлять собой базу для развития инновационного потенциала.

Неисследованными или неоцененными остаются, по данным за 2019 год, следующие группы показателей:

1. В группе «Человеческие ресурсы и исследования»:
 - «Государственное финансирование на одного учащегося средней школы»;
 - «Оценка по чтению, математике и естественным наукам»;
 - «Число исследователей на миллион населения».
2. В группе «Развитость рынка»:
 - «Рыночная капитализация (стоимость)»;
 - «Сделки с венчурным капиталом».
3. В группе «Деловая активность» (уровень развития бизнеса, насколько фирмы способствуют инновационной деятельности):
 - «Занятость в наукоемких услугах»;
 - «Валовые расходы на НИОКР, выполняемые коммерческими предприятиями»;
 - «Импорт высоких технологий»;
 - «Исследовательский талант на коммерческих предприятиях» (Профессионалы, участвующие в разработке или создании новых знаний, продуктов, процессов, методов и систем, а также в управлении этими проектами, с разбивкой по секторам, в которых они работают).
4. В группе «Доходы от знаний и технологий»:
 - «Доходы от использования интеллектуальной собственности»;
 - «Экспорт высоких технологий».
5. В группе «Доходы от креатива»:
 - «Рынок развлечений и медиа» (расходы потребителей и рекламодателей в сегменте развлечений и СМИ);
 - «Экспорт творческих товаров» (общая стоимость творческих товаров по сравнению с общим объемом торговли);
 - «Создание мобильных приложений».

Исследование показателей, входящих в группу «неоцененных экспертами», позволяет говорить о наличии потенциала рынка инноваций страны, потенциала коммерческих организаций в области создания и торговли интеллектуальной собственностью в некоторых отраслях или развитие рынка креативных товаров.

Пользуясь классификацией, предложенной авторами [1], видится перспективным использование обоих типов инноваций, поскольку позиция по «Заявки на патентные модели», формируемая за счет подачи от частных лиц, не представляющих государственных научных центров, свидетельствует в пользу не только интереса к инновациям на самом высоком уровне, но также и в среде частного предпринимательства.

Доля цифровых инноваций в Таджикистане в общем объеме инноваций несколько ниже, чем в среднем по миру. Это связано с тем, что исторически Таджикистан был аграрной страной, хотя за последние 30 лет сумел изменить свою направленность на аграрно-индустриальную за счет изменения пропорций вклада от сельскохозяйственного и промышленного производства [7, 8]. И тем не менее цифровые технологии по праву занимают свое место в перечне инноваций, внедряемых и успешно используемых в Таджикистане. Этот факт отчасти подтверждается показателем 2.3.3. «Глобальные научно-исследовательские компании, топ-3», по которому Таджикистан занимает 42-е место. Кроме того, современная таджикская промышленность может похвастаться

значительным количеством совместных предприятий, например, по добыче и переработке золота, где совладельцами выступают британцы, радеющие за максимальное применение таких технологий, как цифровые двойники [6], или в секторе легкой промышленности, где спектр партнеров в совместном бизнесе включает в себя лидера моды Италию, Корею, Китай и Вьетнам [5].

Интересной представляется возможность изучения инноваций в разрезе по созданию и использованию:

1. Разрабатываемые инновации – те продукты / технологии, которые получают в результате проводимых самостоятельных исследований и могут быть использованы самим разработчиком и предложены на рынке. Этот вид инноваций может включать в себя как инновации отвлеченные, так и инновации по необходимости.
2. Внедряемые или заимствованные инновации – продукты и технологии (причем удельный вес последних значительно выше), которые приобретаются на рынке и применяются всеми другими пользователями. Этот вид включает в себя преимущественно инновации по необходимости.

И хотя совершенно очевидно, что на сегодняшний день основными для Таджикистана являются инновации внедряемые, благодаря международному сотрудничеству в сфере производства и в связи с осложненными пандемией мировыми условиями реализация инновационного потенциала страна способна развиваться быстрее, чем это демонстрировалось до сих пор.

Проведенное исследование выявило ряд недостатков аналитической базы:

1. Оценка инновационного потенциала Таджикистана осуществлялась на основе глобального инновационного индекса без исследования методологической базы оценки инновационного потенциала конкретного региона (Таджикистана).
2. Анализ развития инновационного потенциала Таджикистана целесообразно дополнить исследованием законодательной базы, в т. ч. государственной политики в области поддержки развития инноваций в стране.
3. Инновационный потенциал Таджикистана должен развиваться с учетом анализа рынка сбыта таджикских инноваций. На сегодняшний день для ответа на вопрос о востребованности таджикских инноваций необходимо выяснить, что именно Таджикистан может предложить на глобальный рынок и в чем заключаются конкурентные преимущества его инноваций.

На основании изложенного выше можно сделать предположение о том, что:

1. Востребованность инноваций Таджикистана представляется весьма значимой на внутреннем рынке. Инновационная зависимость от развитых стран, так же как и экономическая, может привести к развитию в стране зоны нестабильности и полному разрушению экономики. Следовательно, можно развивать инновации для внутреннего рынка и стран ЕАЭС. Основными направлениями формирования и развития инновационной экосистемы являются [4]:
 - развитие объектов инновационной инфраструктуры;
 - усиление механизмов государственно-частного партнерства;
 - объединение участников евразийской интеграции общей управленческой средой;
 - исследование механизмов функционирования высокотехнологичных компаний и разработка мотивационных систем с целью повышения эффективности их функционирования;
 - развитие единой нормативно-правовой базы стран ЕАЭС.
2. Обеспечение эффективности функционирования региональной экосистемы возможно, оптимизируя взаимодействие государства, университетов и бизнеса [3]. Учет традиций в общении, управлении и ведении бизнеса позволит найти индивидуальные черты инновационной экосистемы и, как в случаях с Северной и Южной Кореей, КНДР и др. стремительно развивающимися странами, отказаться от прямых зарубежных инвестиций, развивая малый и средний бизнес, создавать инновационный кластер через государственное управление инновационной экосистемой.
3. На сегодняшний день в свете отсутствия анализа рынка таджикских инноваций можно сделать предположение, что внедряемые инновации будут продолжать превалировать в инновационном пуле Таджикистана.
4. Опыт внедрения цифровых инноваций в России может помочь ускорить процессы цифровизации индустриального сектора в Таджикистане.
5. Предотвращение возникновения и развития зоны нестабильности на территории Таджикистана возможно при реализации принципов устойчивого развития региона, которая возможна в условиях повышения инновационной активности [2] данного региона.

Список литературы

1. Зарембо В.Е., Степаненко Д.А. К вопросу о рыночной востребованности инновации в России // Проблемы современной экономики, №3 (73), 2020. С. 32–35.
2. Перелыгина Л.Б., Рогова И.Н., Степаненко Д.А. Обеспечение реализации целей устойчивого развития через инновационную активность регионов РФ // Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы: сборник научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции (г. Гатчина, 27 декабря 2019 г.). Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2020. С. 88–92.
3. Растова Ю.И., Степаненко Д.А. Инновационная активность бизнеса в процессе реализации модели «тройной спирали» Генри Ицковича // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, №3. С. 117–121. DOI: 10.25206/2542–0488–2020–5-3-117–121.
4. Салимьянова И.Г., Степаненко Д.А. Инновационная экосистема в развитии Евразийской интеграции // Вестник экономики, права и социологии. 2019. №3, Т. 2. С. 152–156.
5. Чижевский А. Таджикистан побил прошлогодний рекорд добычи угля // Neftgaz.RU. [Электронный ресурс] URL: <https://neftgaz.ru/news/coal/520288-tadzhikistan-pobil-proshlogodniy-rekord-dobychi-uglya> (дата обращения: 09.11.2020 г.)
6. Zarembo V.E., Zinchik N.S., Sintsova E.A., Bichurina V.A. Industry Practices of Digital Twin Technology Application in the Russian Federation. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference «Digital Economy and Finances» (ISPC–DEF 2020) [Электронный ресурс] URL: <https://www.atlantis-pess.com/proceedings/ispc-def-20/125938873> (дата обращения: 10.11.2020 г.)
7. Информационное агентство АГРО24 Таджикистан. [Электронный ресурс] URL: <https://agro24.ru/countries/tadjikistan> (дата обращения: 02.11.2020 г.)
8. Информационное агентство РЕГНУМ. [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/foreign/turkestan/tajik.html> (дата обращения: 08.11.2020 г.)
9. Global Innovation Index. [Электронный ресурс] URL: <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator> (дата обращения: 03.06.2020 г.)

DOI: 10.17747/2311-7184-2021-10-296-300

УДК 656.1

Экономический эффект от внедрения цифровых технологий в горнодобывающей отрасли

С.А. Евлашкина, магистрант

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»,

г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы внедрения цифровых технологий в горнодобывающей отрасли и их экономический эффект. Обосновываются преимущества использования 3D-моделей, систем «smart ear», «Blast movement technology». Определено, что Индустрия 4.0 открывает новые перспективы для развития горнодобывающей отрасли, формируя возможности роста производительности с повышением безопасности труда. Благодаря внедрению геотехнологии – Майнинга 4.0 (Индустрия 4.0 в горнодобывающей отрасли), в том числе таких современных цифровых технологий, как безлюдные роботизированные комплексы горношахтного и карьерного оборудования, повсеместная цифровая телеметрия, Интернет вещей и межмашинные коммуникации, цифровое 3D-моделирование и искусственный интеллект, горнодобывающая отрасль становится высокотехнологичным производством. Автор проанализированы формы проникновения технологий Индустрии 4.0 в горнодобывающие отрасли и международный опыт использования Майнинга 4.0, показаны преимущества дальнейшего развития геотехнологии в новую технологическую эпоху и экономический эффект от их использования.

Ключевые слова: цифровая экономика, индустрия 4.0, цифровые технологии в горнодобывающей отрасли, Индустрия 4.0, Майнинг 4.0, Интернет вещей, геотехнология, производительность, цифровизация, 3D-моделирование

The economic impact of the introduction of digital technologies in the mining industry

Evlashkina S.A., Master's student

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. This article discusses the implementation of digital technologies in the mining industry, as well as the economic effect of their implementation. The advantages of using 3D models, «smart ear» systems, «Blast movement technology» are substantiated. It was determined that Industry 4.0 opens up new prospects for the development of the mining industry, creating opportunities for productivity growth with improved labor safety. Thanks to the introduction of geotechnology – Mining 4.0 (Industry 4.0 in the mining industry), including such modern digital technologies as deserted robotic complexes of mining and quarry equipment, ubiquitous digital telemetry, the Internet of Things and machine-to-machine communications, digital 3D modeling and artificial intelligence in the mining industry becomes a high-tech production. The author analyzed the forms of penetration of Industry 4.0 technologies into the mining industries and the international experience of using Mining 4.0, showing the advantages of the further development of geotechnology in a new technological era and the economic effect of their use.

Keywords: digital economy, industry 4.0, digital transformation of industry, Industry 4.0, Mining 4.0, Internet of Things, geotechnology, productivity, digitalization.

Целью цифровых технологий, внедряемых на современном этапе в горнодобывающую отрасль, является обеспечение работы непростых производственно-экономических систем на всех этапах жизненного цикла горного предприятия – от разведки запасов полезных ископаемых до их добычи, переработки и реализации с учетом усовершенствования производительности и безопасности горных работ [1, с. 22].

Цифровые технологии помогают организовать разработку проекта горнодобывающего предприятия на этапах замысла к построению информационной модели (3D-моделирование и цифровое проектирование), выбора технологии разработки месторождения, технико-экономического обоснования конечного проекта, визуализации горнотехнической системы [2, с. 38].

В ходе построения цифровой модели месторождения при планировании горных работ целесообразно применять сведения, получаемые посредством виртуальной модели окружающего физического мира.

Использование 3D-моделей обеспечивает регулярное управление производством горных работ (рис. 1) [3, с. 18].

Рис. 1

Возможности 3D-моделей для регулярного управления горнодобывающим производством

Использование предиктивных методов анализа геологических данных

Планирование отработки запасов

Анализ альтернативных вариантов планов горных работ

Определение оптимального варианта в режиме реального времени

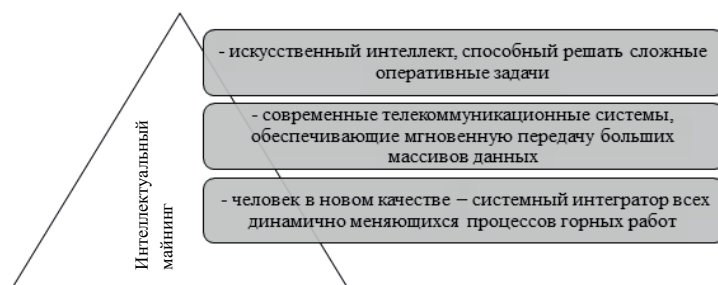
На сегодняшний день одним из нерешенных вопросов в рассматриваемой сфере является автоматизация процессов горнодобывающего производства. Для решения этой проблемы компания Komatsu разработала автоматизированный самосвал без кабины, которым управляют диспетчеры удаленно от рудника, применяя жидкокристаллические мониторы [4].

Также в качестве решения обозначенной проблемы возможно использование системы «smart ear» (электронное ухо). Она представляет собой датчик, монтируемый рядом с мельницей, с помощью которого отслеживается загрузка и все параллельные процессы. Благодаря особому сигналу оператор видит, в каких случаях мельница недозагружена, и может ускорить подачу руды. На тех предприятиях, где рассматриваемая система непосредственно связана с системой подачи руды при 100%-ном исключении человеческого фактора, увеличилась эффективность работы, скорость конвейерной ленты, скорость подачи руды в мельницу, ходимость футеровки.

Свою эффективность показала такая цифровая технология, как система Blast movement technology, посредством которой осуществляется мониторинг руды после взрыва. Данная цифровая технология способствует уменьшению потери руды, разубоживания и реклассификации руды.

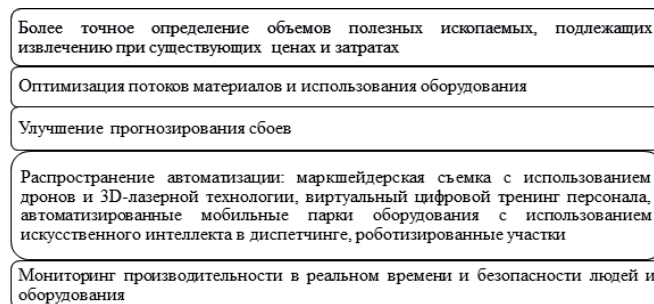
Кроме вышеописанных цифровых технологий, в горнодобывающую отрасль внедряются интеллектуальные системы добычи, называемые «интеллектуальный майнинг» [5, с. 124], который представляет собой человеко-машинную систему (рис. 2).

Рис. 2
Составляющие «интеллектуального майнинга»

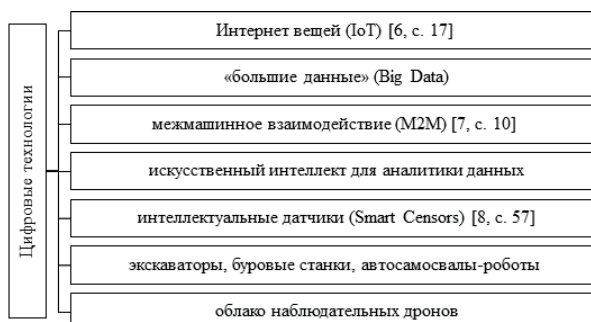
Горнодобывающему предприятию необходимы оперативные сведения о производстве, качестве, продолжительности различных циклов, состоянии машин и оборудования, а также других переменных, что обуславливает интеллектуализацию добычи с применением Индустрии 4.0. Преимущества технологии Индустрии 4.0 как основы интеллектуального майнинга представлены на рис. 3.

Рис. 3
Преимущества технологии Индустрии 4.0 как основы интеллектуального майнинга

Интеллектуальный майнинг, состоящий из цифровых и роботизированных технологий Индустрии 4.0, способствует исключению на 100% человека из буровзрывных, выемочно-погрузочных, транспортных процессов, геодезической съемки, планирования и оперативного управления процессами, как это представлено на рис. 4 [9, с. 702].

Рис. 4
Цифровые технологии, способствующие исключению человека из производственных процессов

Более того, значительная степень координации и гибкость управления процессами добычи полезных ископаемых способствует обеспечению рентабельной добычи вне зависимости от уровня цен и спроса на сырье на рынке.

На рис. 5 показаны векторы развития Майнинга 4.0 и место в нем специфических технологий.

Рис. 5

Векторы развития Майнинга 4.0 и цифровых технологий в горнодобывающей отрасли

Технологии Майнинга 4.0 в горнодобывающей отрасли можно охарактеризовать через 8 критериев, выступающих детерминантами новой геотехнологии (рис. 6) [10].

Рис. 6
Критерии технологии Майнинга 4.0

- 1) Использование дополненной реальности (AR). Например, получение обслуживающим персоналом инструкций к действию напрямую от производителей оборудования или проектировщиков. Через специальные очки, которые отправляют и принимают видеоизображение, они смогут увидеть проблему, которую возможно решить с помощью инструкций
- 2) Использование виртуальной реальности (VR) для моделирования опасных реальных ситуаций и отработки способов их предотвращения и ликвидации последствий. Например, можно поместить всю систему управления добычей и переработкой полезных ископаемых на предприятии в VR и, таким образом, сделать ее независимой от местоположения
- 3) Использование биомеханических элементов для защиты работников, увеличения их силы и выносливости
- 4) Применение носимых датчиков для мониторинга показателей, связанных со здоровьем и местоположением работников
- 5) Использование интеллектуальных персональных помощников для взаимодействия горячков с машинами, компьютерами, базами данных и другими информационными системами. Например, использование RFID-меток вместе с приложением для смартфонов для оперативного сообщения о неисправности оборудования
- 6) Совместное использование несколькими операторами роботов для выполнения повторяющихся и трудоемких задач
- 7) Использование сетей Wi-Fi и 5-6G подземного интернета для взаимодействия операторов между собой, а также между операторами и Интернетом вещей
- 8) Использование искусственного интеллекта для безлюдного анализа больших данных и обнаружения полезной информации для прогнозирования неблагоприятных событий

В рамках настоящего исследования интерес представляет международный опыт применения инноваций и технологий Индустрии 4.0 для получения конкурентных преимуществ за счет перехода на Майнинг 4.0.

В частности, канадская горнодобывающая компания «Бэррик Голд» («Barrick Gold») начала внедрять технологии искусственного интеллекта в управление процессами на руднике Кортес в США (штат Невада) вместе с американской Cisco Systems для совершенствования процесса принятия инженерных и управленческих решений, в том числе в целях увеличения производительности комплексов оборудования [11].

Южноафриканская золотодобывающая компания «Голд Филдз» («Gold Fields») регулярно вводит инновационные и технологические проекты, связанные с наземным дистанционным управлением подземным проходческим, выемочно-погрузочным и транспортным оборудованием, совершенствует технологию беспилотных летательных аппаратов для маркшейдерской съемки и мониторинга ведения работ на участках открытой добычи золота [12].

Бразильская металлургическая компания «Эс-Ай Ай-Ди» («SI ID») выступает лидером по введению цифровых технологий Интернета вещей на железных рудниках. В результате чего компания достигла одной из самых низких в мире удельных затрат при добыче железной руды. В частности, посредством инвестиций в такую технологию Майнинга 4.0, как применение безвоздушного транспортера для транспортировки руды за счет использования влажности самой руды для удаления примесей, а также ввиду автоматизации и управления комплексами шахтного и карьерного оборудования потребление воды уменьшилось на 7% [13].

Таким образом, международный опыт внедрения технологий Майнинга 4.0 показывает их высокую производственную и экономическую эффективность. На рис. 7 представлены результаты исследования затрат 30 крупнейших горнодобывающих предприятий мира, усиленно вводившие цифровые технологии Майнинга 4.0, проведенного в 2016–2018 гг (рис. 7) [14].

Рис. 7
Экономический эффект от внедрения цифровых технологий
в 30 крупнейших горнодобывающих предприятий мира в 2016–2018 гг.

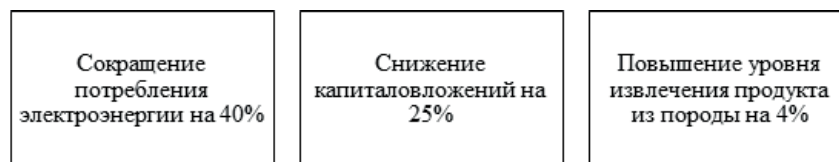
- снизили затраты на техническое обслуживание на 20–40%
- увеличили фактическую производительность комплексов оборудования на 20–30%
- сократили капитальные затраты на 5–10%
- улучшили состояние окружающей среды и безопасность труда, что выразилось в снижении экологических штрафов и платежей за нанесенный ущерб жизни и здоровью работников в 4–11 раз

Анализ, проведенный в настоящей статье, позволяет прийти к выводу, что цифровые технологии, в том числе технологии Индустрии 4.0, внедряемые в горнодобывающую отрасль, формируют новые элементы открытой и подземной геотехнологии (Майнинг 4.0). Их спецификой являются: безлюдное производство, цифровое мо-

делирование как инструмент молниеносного и прочного оперативного управления процессами горных работ, достоверной маркшейдерией и высочайшей безопасностью труда. Международный опыт внедрения технологий Майнинга 4.0 продемонстрировал существенное увеличение производительности, безопасности труда и окружающей среды, а также рентабельности добычи полезных ископаемых.

На рис. 8 представлена оценка экономического эффекта от внедрения цифровых технологий, сделанная шведским производителем горнорудного оборудования ABB [15].

Рис. 8
Экономический эффект от внедрения цифровых технологий по данным ABB

Accenture в отчете 2018 года оценивала потенциальный эффект от внедрения цифровых технологий в горнодобывающей отрасли в \$ 425 млрд в срок до 2025 года. За десятилетие сами предприятия могли получить дополнительную выгоду в форме роста стоимости в размере \$ 390 млрд, что соответствует 2,7% консолидированной выручки или 9% общей прибыли сектора [15].

В заключение отметим, что горнодобывающая отрасль должна эффективно использовать цифровые технологии в целях развития и совершенствования производственной деятельности, планирования собственных процессов, взаимодействия с поставщиками. Цифровая модель горного предприятия способствует приобретению преимуществ в таком развитии.

К 2025 году экономический эффект от применения цифровых технологий в мировой горнодобывающей отрасли может привести к снижению затрат на 17%. Цифровые технологии в рассматриваемой отрасли предоставляют возможность снижения вариативности и увеличения производительности, поэтому представляют повышенный интерес на современном этапе.

Список литературы

1. Аброськин А.С. Применение современных систем автоматизации на открытых горных работах // Известия ТПУ. 2015. № 12. С. 122–130.
2. Курцев Б. Цифровизация горнодобывающей промышленности: от руды к данным [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.comnews.ru/digital-economy/content/214508/2021-05-17/2021-w20/cifrovizaciya-gornodobyvayuschey-promyshlennosti-rudy-k-dannym> (дата обращения: 20.07.2021)
3. Официальный сайт компании «Бэррик Голд» (Barrick Gold). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.barrick.com/English/home/default.aspx> – [20.07.2021]
4. Официальный сайт компании «Голд Филдз» (Gold Fields). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.goldfields.com> – [20.07.2021]
5. Официальный сайт компании «Эс-Ай Ай-Ди» (SI ID). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vale.com/EN/Pages/Landing.aspx> – [20.07.2021]
6. Плакиткин Ю.А. Мировой инновационный проект «Индустрия 4.0» – возможности применения в угольной отрасли России. 3. Систематизация основных элементов проекта «Индустрия 4.0 по базовым процессам горного производства / Ю.А. Плакиткин, Л.С. Плакиткина // Уголь. 2018. № 1. С. 16–24.
7. Плакиткин Ю.А. Цифровизация экономики угольной промышленности России – от «индустрии-4.0» до «общества 5.0» / Ю.А. Плакиткин, Л.С. Плакиткина // Горная Промышленность. 2018. №4. С.22–28.
8. Разоренова Е.Ю. Разработка предложений по формированию цифровой модели виртуального горного предприятия / Е.Ю. Разоренова, Д.С. Бурлака, А.В. Бабкин // XLVII «НЕДЕЛЯ НАУКИ СПбПУ» Современные проблемы экономики, управления и торговли (ИПМЭИТ) Часть 2. СПб: Изд-во СПбПУ, 2018. С. 36–41.
9. Рудники переходят в цифровую реальность – практика и опыт России // Горный информационно-аналитический бюллетень [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.giab-online.ru/news/133> (дата обращения: 20.07.2021)
10. Antworp, L. Ten technologies with the power to transform mining // Mining Technologies. 2018. Vol. 4. P. 55–64.
11. Du Preez, S. New tech trends driving IT/OT convergence in mining in Africa // African Mining Brief. 2014. Vol. 2 (12). P. 16–22.
12. Durrant-Whyte, H. How digital innovation can improve mining productivity / H. Durrant-Whyte, R. Geraghty, F. Pujol, R. Sellschop. [Электронный ресурс]. – New York: McKinsey & Company, 2015. Режим доступа: <https://www.mckinsey.it/idee/how-digital-innovation-can-improve-mining-productivity> – [21.07.2021]
13. Löf, J. Mining 4.0 – the Impact of New Technology from a Work Place Perspective / J. Löf, L. Abrahamsson, J. Johansson // Mining, Metallurgy & Exploration. 2019. Vol. 36. P. 701–707.
14. Price Waterhouse and Coopers. Обзор горнодобывающей промышленности – 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pwc.ru/ru/mining-and-metals/assets/mine-2019-rus.pdf> – [20.07.2021]
15. Rytöft, C. Mine of the future // ABB Review. 2014. Vol. 3/14. P. 7–12.

Актуальные проблемы таможенного оформления иностранных товаров при расхождении сведений об их количестве в документах

Худжатов Михаил Бекзадаевич, кандидат экономических наук,
доцент кафедры таможенного дела
Российского университета дружбы народов (РУДН)

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые аспекты импорта иностранных товаров на территорию РФ. В частности, основное внимание уделяется документальному оформлению сведений о количестве товаров. По результатам проведенного анализа выявлены практические проблемы таможенного оформления иностранных товаров при расхождении сведений о количестве товаров в документах, необходимость решения которых обусловила актуальность статьи. В статье приведен авторский алгоритм действий импортера при расхождении сведений о количестве товаров в документах, реализация которого на практике обеспечит высокую эффективность таможенного оформления иностранных товаров.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, международный договор купли-продажи, коммерческие документы, импорт, таможенное декларирование, декларация на товары.

PROBLEMS OF CUSTOMS CLEARANCE OF FOREIGN GOODS IN DOCUMENTS

M. Khudzhatov – candidate of economic sciences,
associate professor of Customs department
of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
Email: mikailkhudzhatov@mail.ru

Annotation. The article discusses some aspects of the import of foreign goods into the territory of the Russian Federation. In particular, the main focus is on documenting information about the quantity of goods. Based on the results of the analysis, practical problems of customs clearance of foreign goods were revealed in case of discrepancy in information about the number of goods in the documents, the need to solve which determined the relevance of the article. The article presents the author's algorithm of the importer's actions in case of discrepancy of information about the quantity of goods in documents, the implementation of which in practice will ensure high efficiency of customs clearance of foreign goods.

Keywords: foreign economic activity, international contract, commercial documents, import, customs declaring of goods, customs declaration.

Внешнеторговая деятельность является важным направлением развития экономики Российской Федерации. Внешнеторговая деятельность осуществляется путем совершения экспортных и импортных операций с товарами [1]. При этом важное место в экономике РФ занимает импорт товаров иностранного производства, который обеспечивает потребности внутреннего рынка в необходимых товарах, в том числе в товарах, аналоги которых не производятся на территории РФ.

По объему товарных партий импорт товаров на территорию РФ преобладает над российским экспортом. На долю импорта приходится около 64% всех товарных партий, перемещающихся через таможенную границу Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [2]. Как правило, иностранные товары, ввозимые на территорию РФ, помещаются под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления, на которую приходится порядка 60% товарных партий (под процедуру экспорта помещается около 35% партий). Доли таможенных процедур в общем декларационном массиве отражены в табл. 1.

Таблица 1
Доли таможенных процедур в общем декларационном массиве в 2020 г. [3]

№ п/п	Таможенная процедура	Доля от всех ДТ в %
1	Выпуск для внутреннего потребления	59,96
2	Экспорт	35,23
3	Свободная таможенная зона	2,00
4	Реимпорт	1,23
5	Резэкспорт	0,56
6	Временный ввоз (допуск)	0,28
7	Таможенный склад	0,16
8	Беспошлинная торговля	0,16
9	Временный вывоз	0,15
10	Переработка на таможенной территории	0,13
11	Переработка вне таможенной территории	Менее 0,1
12	Специальная таможенная процедура	Менее 0,1
13	Уничтожение	Менее 0,1
14	Отказ в пользу государства	Менее 0,1
15	Переработка для внутреннего потребления	Менее 0,1

Таможенная процедура выпуска для внутреннего потребления применяется в отношении иностранных товаров, в соответствии с которой товары находятся и используются на таможенной территории Союза без ограничений по владению, пользованию и (или) распоряжению ими, предусмотренных международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования (п. 1 ст. 134 Таможенного кодекса ЕАЭС) [4].

Товары могут быть помещены под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления при условии уплаты ввозных таможенных пошлин, налогов и особых видов пошлин, а также соблюдения запретов и ограничений, которые применяются к некоторым категориям иностранных товаров. При соблюдении указанных условий импортер получает полную свободу действий в отношении товаров [5]. Характеристика таможенной процедуры выпуска для внутреннего потребления представлена в табл. 2.

Таблица 2
Характеристика таможенной процедуры выпуска для внутреннего потребления [6]

Цель данной таможенной процедуры	Выпуск в свободное обращение на таможенной территории ЕАЭС
Направления движения товара	ввоз
Срок действия	бессрочная
Сфера действия	иностранные товары
Статус товара после помещения под таможенную процедуру	товары ЕАЭС (искл.: условно выпущенные товары – иностранные)
Требование об изменении состояния товара	не предъявляется
Запреты и ограничения, в том числе меры нетарифного регулирования	применяются
Освобождение от уплаты таможенных платежей	не предоставляется

Согласно п. 3 ст. 105 Таможенного кодекса ЕАЭС при помещении товаров под процедуру выпуска для внутреннего потребления используется декларация на товары (ДТ). В ДТ должны быть указаны сведения о количестве товаров в килограммах (вес брутто и вес нетто) и в дополнительных единицах измерения (пп. 4 п. 1 ст. 106 Таможенного кодекса ЕАЭС). В данном контексте в связи с необходимостью таможенного декларирования сведений о количестве товаров на практике возникают проблемы таможенного оформления иностранных товаров при расхождении сведений о количестве товаров в документах. Необходимость решения указанной практической проблемы обусловила актуальность данной статьи.

Важно отметить, что согласно Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД) ЕАЭС, утвержденной Решением Совета ЕЭК от 16.07.2012 №54, основной единицей измерения количества товаров является килограмм, остальные относятся к дополнительным единицам измерения [7].

Анализ вышеизложенной практической проблемы позволяет прийти к выводу, что при расхождении сведений о количестве товаров в коммерческих документах импортеру не следует представлять таможенному органу де-

кларацию на товары. Дело в том, что игнорирование таких расхождений при подаче ДТ чревато привлечением импортера к административной ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 16.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) [8].

Рассмотрим изложенную ситуацию на конкретном примере. Предположим, рос-сийская организация импортирует из Китая в Россию металлические застёжки-молнии, классифицируемые под кодом 9607 11 000 0 по ТН ВЭД ЕАЭС. Данный товар ввозится на территорию РФ в целях последующей реализации на внутреннем рынке. Внешнеторговая сделка оформлена путем заключения международного договора купли-продажи, каждая конкретная товарная партия сопровождается следующими коммерческими документами [9]:

- инвойс (счет-фактура) на оплату товаров;
- заказ-спецификация;
- прайс-лист на все артикулы.

Зачастую на практике вышеперечисленные документы содержат различные сведения о количестве товаров. Например, в спецификации указано количество металлических застёжек-молний 100 м, а в инвойсе – 95 м. При этом если цена на отдельные артикулы товара, приведенная в прайс-листе, зависит от его количества, недостоверное декларирование таких сведений является административным правонарушением.

Данный вывод обоснован тем фактом, что от цены товара зависит его таможенная стоимость, которая является базой для исчисления сумм большинства таможенных и иных платежей, взимание которых возложено на таможенные органы РФ. Заявление импортером при таможенном декларировании товаров недостоверных сведений об их количестве, если такие сведения послужили или могли послужить основанием для освобождения от уплаты таможенных пошлин, налогов или для занижения их размера, влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от 1/2 до двукратной суммы подлежащих уплате таможенных пошлин, налогов с конфискацией товаров, явившихся предметами административного правонарушения, или без таковой.

В целях решения вышеизложенной практической проблемы автором предлагается алгоритм в виде оптимальной последовательности действий, представленный на рис. 1.

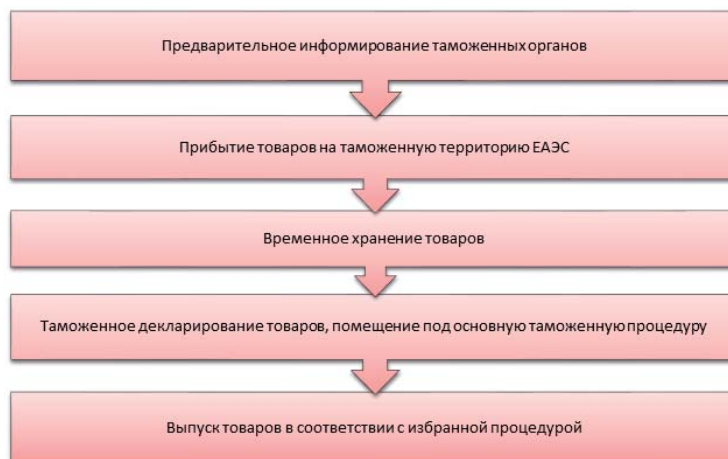
Рис. 1. Алгоритм действий при расхождении сведений о количестве товаров в документах

Этап 1. Помещение иностранных товаров на склад временного хранения (СВХ).

В соответствии с положениями таможенного законодательства ЕАЭС иностранные товары после прибытия на таможенную территорию ЕАЭС помещаются на временное хранение или сразу под таможенную процедуру (рис. 2).

Рис. 2. Этапы совершения таможенных операций при импорте товаров в РФ [10]

Очевидно, что импортерам гораздо выгоднее помещать прибывшие товары под та-моженную процедуру, поскольку тем самым можно сократить издержки за счет экономии на услугах владельца СВХ. Однако при расхождении сведений о количестве товаров в документах такая экономия неуместна в силу высокой вероятности привлечения импортера к административной ответственности. В этой связи настоятельно рекомендуется поместить прибывшие товары на временное хранение. СВХ является основным местом временного хранения товаров, реестр их владельцев ведет ФТС России.

Этап 2. Предварительный осмотр товарной партии до подачи ДТ.

Второй этап тесно связан с первым этапом. Поскольку сведения о количестве товаров являются обязательными к таможенному декларированию, необходимо определить фактическое количество товаров. Эта задача может быть решена в период временного хранения товарной партии на СВХ. Так, лица, обладающие полномочиями в отношении товаров, находящихся на временном хранении, вправе совершать с такими товарами операции, необходимые для обеспечения их сохранности в неизменном состоянии, в том числе осматривать и измерять товары, перемещать их в пределах СВХ (п. 1 ст. 102 Таможенного кодекса ЕАЭС). Следовательно, фактическое количество товаров можно определить путем их измерения на СВХ, если склад временного хранения является местом временного хранения, до подачи ДТ. При этом отметим, что согласно п. 1 ст. 102 Таможенного кодекса ЕАЭС предварительный осмотр товарной партии до подачи ДТ является правом организации, а не обязанностью, поэтому такой осмотр имеет рекомендательный характер [11].

Этап 3. Документальное обоснование расхождения сведений о количестве товаров в коммерческих документах.

После определения фактического количества товаров следует подготовить документальное обоснование расхождения сведений о количестве товаров в коммерческих документах. Это положение обусловлено тем, что на момент подачи ДТ организация должна иметь у себя в распоряжении документы, подтверждающие сведения, заявленные в ДТ, в т.ч. коммерческие документы (пп. 1 п. 1 и п. 3 ст. 108 Таможенного кодекса ЕАЭС). Несмотря на то что подача ДТ не сопровождается представлением таможенному органу подтверждающих документов, таможенные органы вправе запрашивать у декларанта такие документы (п. 7 ст. 109 и п. 1 ст. 340 Таможенного кодекса ЕАЭС).

На практике в качестве документального обоснования расхождения сведений о количестве товаров в коммерческих документах таможенные органы принимают положения контракта (либо дополнений/приложений к нему) о возможном отклонении в % фактического количества товаров от количества, указанного в спецификации/инвойсе. Предположим, что по результатам предварительного осмотра товарной партии выяснили, что фактическое количество товаров указано верно в инвойсе (95м), тогда контракт (либо дополнение/приложение к нему) должен содержать положение о возможном отклонении в 5% фактического количества товаров от количества, указанного в спецификации. Кроме того, из п. 2.1.10 Методических рекомендаций по учету и оформлению операций приема, хранения и отпуска товаров в организациях торговли, утвержденных Письмом Роскомторга от 10.07.1996 № 1–794/32–5, следует, что, если установлено несоответствие количества и/или качества товара договору, составляется рекламационный акт. Акт должен составляться в присутствии материально ответственного лица, покупателя, представителя иностранного поставщика (при согласии поставщика возможно составление акта при его отсутствии) и экспертов Торгово-промышленной палаты РФ.

Этап 4. Заявление в декларации на товары фактических сведений о количестве товаров.

Зная фактическое количество товаров (этап 2) и имея соответствующее документальное подтверждение (этап 3), импортер может совершить таможенные операции, связанные с подачей ДТ. Сведения о количестве товаров указываются в следующих графах ДТ (п. 15 Инструкции, утвержденной Решением Комиссии Таможенного союза от 20.05.2010 N 257) [12, 13]:

- в графе 31 под номером 1 указываются сведения о количественном составе декларируемого товара;
- в графе 35 указывается в килограммах масса «брутто» товара;
- в графе 38 указывается в килограммах масса «нетто» декларируемого товара;
- в графе 41 указывается без пробелов количество товара в дополнительной единице измерения, далее через знаки разделителя "/" указываются условное обозначение и код дополнительной единицы измерения согласно Приложению № 15 к Решению Комиссии Таможенного союза от 20.09.2010 № 378 (в рассматриваемом вопросе: «95 / М / 006»).

Таким образом, при расхождении сведений о количестве товаров в коммерческих документах рекомендуется провести предварительный осмотр товарной партии на СВХ для определения фактического количества товаров, далее следует подготовить документальное обоснование таких расхождений, после чего указать в ДТ фактическое количество товаров и подать ДТ таможенному органу.

Подводя итоги, отметим, что реализация на практике предложенного автором алгоритма действий будет способствовать решению проблем, связанных с таможенным оформлением иностранных товаров при расхождении сведений о количестве товаров в документах. В конечном счете соблюдение изложенных в статье практических рекомендаций позволит избежать импортерам совершения административных правонарушений при расхождении сведений о количестве товаров в документах.

Список литературы

1. Арский А.А. Анализ динамики экспорта российской нефти с учетом аспекта пандемии COVID-19 // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2021. № 1. С. 5–10.
2. Ерохин В.Л. Мировая торговля и рынки в 2020–2021 гг. под влиянием пандемии COVID-19 // Маркетинг и логистика. 2021. № 4 (36). С. 10–22.
3. Худжатов М.Б., Вахрушев В.Ю., Тарасов В.Ю. Актуальные проблемы применения таможенной процедуры реэкспорта на современном этапе // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. 2021. № 1. С. 4–12.
4. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.10.2021).
5. Воротынцева Т.М., Кузнецова Е.В., Моретти В. Таможенные механизмы внешнеэкономических операций в веке цифровизации // Экономические стратегии ЕАЭС: проблемы и инновации. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 64–71.
6. Арчаков А.М. Импорт товаров как основа применения таможенной процедуры выпуска для внутреннего потребления при таможенном декларировании // Международный научный студенческий журнал. 2019. № 8. С. 26–31.
7. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16.07.2012 № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.10.2021).
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.10.2021).
9. Чупина Ж.С., Чупин А.Л. Практика и значение таможенной экспертизы товаров при выявлении правонарушений в Шереметьевской таможне // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4 (26). С. 133–138.
10. Худжатов М.Б., Адамова О.В. Актуальные проблемы внешнеэкономической деятельности при совершении таможенных операций // Экономические стратегии ЕАЭС: проблемы и инновации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 176–184.
11. Берзан А.А., Тимченко М.Ю. Методика выбора рискованных товарных партий для проведения углубленного таможенного контроля // Журнал исследований по управлению. 2019. Т. 5. № 2. С. 48–56.
12. Решение Комиссии Таможенного союза от 20.05.2010 № 257 «О форме декларации на товары и порядке ее заполнения» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.10.2021).
13. Решение Комиссии Таможенного союза от 20.09.2010 № 378 «О классификаторах, используемых для заполнения таможенных документов» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.10.2021).

Корпоративная социальная ответственность как фактор устойчивого развития компании

Буркин Н.Г.

1-й курс, факультет бизнес-информатики
Финансовый университет при Правительстве РФ
Научный руководитель: Кузнецов А.Н.
к.э.н., доцент
Департамента менеджмента и инноваций.
Финансовый Университет при Правительстве РФ
e-mail:AKuznetcov@fa.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы влияния участия российских компаний в повышении своей эффективности посредством участия в программе ЦУР ООН, что является важной частью современной системы привлечения капитала через фондовые инструменты и государственные инструменты поддержки социально ориентированных компаний. Приведены статистические данные по заинтересованности компаний в участии в ЦУР и популярность программ среди компаний.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, эффективность компаний, повышение капитализации, ЦУР ООН, устойчивое развитие, государственная поддержка.

Corporate social responsibility as a factor of sustainable development of the company.

Burkin N.G.

1th year, Faculty of Business informatics
Financial university under the Government of Russian Federation
Ph.D., Associate Professor Kuznetcov A.N.
Department of management and innovation
Financial university under the Government of Russian Federation
e-mail:AKuznetcov@fa.ru

Summary. The article examines the impact of the participation of Russian companies in improving their efficiency through participation in the UN SDG program, which is an important part of the modern system of attract capital through stock instruments and government instruments to support socially oriented companies. There are statistical data of the interest of companies in participating in the SDGs and the popularity of programs among companies.

Keywords: corporate social responsibility, company efficiency, capitalization attract, UN SDGs, sustainable development, government support.

Развитие мирового сообщества и мировой экономики невозможно без тесного взаимодействия субъектов хозяйствования и окружающей среды. Человечество на протяжении всей своей истории стремилось разбогатеть, невзирая на все препятствия, зачастую уничтожая не только экосистемы, но и целые народы.

Невозможно отрицать, что на сегодняшнем этапе развития этики и философии забота о будущем своих детей и будущих поколений является главной целью любого индивида. Именно поэтому, вступив в новое тысячелетие, главный наднациональный орган управления человечества ООН создал сначала Цели Развития Тысячелетия, которые действовали с 2000 по 2015 год, а впоследствии и Цели Устойчивого развития сроком исполнения до 2030 года.

25 сентября 2015 года в Нью-Йорке были выделены 17 стратегических целей мира на ближайшие 15 лет:

1. Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах;
2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства;
3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте;
4. Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех;
5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек;
6. Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех;
7. Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех;
8. Содействие неуклонному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех;
9. Создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций;

10. Снижение уровня неравенства внутри стран и между ними;
11. Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и устойчивости городов и населенных пунктов;
12. Обеспечение рациональных моделей потребления и производства;
13. Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями;
14. Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития;
15. Защита, восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное управление лесами, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия;
16. Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях;
17. Укрепление средств достижения устойчивого развития и активизация работы механизмов глобального партнерства в интересах устойчивого развития.

ЦУР и рекомендации ООН по их достижению не препятствуют экономическому развитию, как кажется многим скептикам, а во многом стимулируют сотрудничество государств в вопросах международного экономического взаимодействия. Важным условием ответственного ведения бизнеса, который будет соответствовать времени, является повышение его экологичности, экономичности и рационализация использования ресурсов.

Большинство отечественных производственных, перерабатывающих, добывающих и иных отраслей имеют производственную базу, сформированную более 30 лет назад, в момент их создания в СССР. Также существенной проблемой являются устаревшие системы коммуникаций и инфраструктуры, которые ежегодно проходят плановый ремонт и, несмотря на это, выходят из строя.

Несмотря на это, Россия, как часть мировой экономической системы и участница рынка ценных бумаг, должна учитывать общемировые тенденции, такие как: успешное взаимодействие со стейкхолдерами, умение выстроить конструктивный диалог с государством и социумом, найти взаимовыгодные решения и эффективно их внедрить. При анализе деятельности компании также учитываются и риски, обусловленные социальным и экономическим влиянием компании на общество. Неудивительно, что в таких макроэкономических условиях одним из важнейших институтов цивилизованной рыночной экономики становится корпоративная социальная ответственность (КСО), которая является одним из показателей оценки эффективности компании.

Развитие тематики КСО и множество научных исследований в этой области не привели к консенсусу в вопросе согласованности определения корпоративной социальной ответственности. Однако все изученные подходы сходятся в одном, что корпоративная социальная ответственность – это ответственность бизнеса перед обществом в целом. В данном определении, общество выступает как различные заинтересованные стороны: партнеры, потребители, работники и иные лица, на которых влияет деятельность компании. КСО – это не только социальные программы для работников, но и широкие гуманитарные миссии, экологические проекты, содействие целям устойчивого развития общества и иные виды ответственности предприятия перед обществом.

Развитие концепции КСО привело к возникновению трех направлений ее реализации:

- Теория корпоративного эгоизма (классический);
- Теория корпоративного альтруизма;
- Теория разумного эгоизма.

Первое видит развитие общества в развитии состояния своих акционеров. Из-за того, что единственными бенефициарами, которые делят между собой прибыль компании, выступают ее участники, ее назвали теорией корпоративного эгоизма. Автором данной концепции является нобелевский лауреат по экономике Милтон Фридман (Milton Friedman), который описал ее в 1971 г. в статье «Социальная ответственность бизнеса – делать деньги». Недостатком теории является долгосрочный путь развития имиджа среди местного сообщества, если компания в краткосрочном периоде несет дополнительные расходы, то в долгосрочном выигрывает от улучшения корпоративного имиджа.

Теория корпоративного альтруизма строится на том, что компании для достижения своих целей необходимы ресурсы общества, и для повышения лояльности социума необходимо оказывать встречные услуги, что выражается в решении общественных проблем: экологических, гуманитарных, социальных и иных. Именно кризис 1973 года и появление публикации Фридмана стало причиной возникновения данной теории под авторством П. Друкера.

Третий подход берет свое начало от конца XIX века и развивается в книгах Айн Рэнд. Основа данного подхода строится на критике свободной передачи средств обществу. Корпоративный альтруизм как явление развращает общество, провоцирует снижение темпов его развития и снижает заинтересованность членов социума в деятельности. Развиваются институты благотворительности и спонсорские образовательные программы. КСО выступает уже не в роли донорской программы, а как способ сокращения потерь доли прибыли в результате снижения налогов в результате льгот от участия в государственных и муниципальных программах поддержки. Расходы на социальные и благотворительные программы помогают скрыть часть прибыли и повышают гудвилл в долгосрочной перспективе за счет общественного одобрения и создания имиджа меценатства, создают благоприятное социальное окружение и, следовательно, устойчивые прибыли.

Переход экономики России на рыночную экономику, небольшой срок деятельности института инвестирования и общий низкий уровень экономической и социальной грамотности требуют при исследовании КСО обращаться к западному опыту исследования данной тематики.

Западные компании наиболее широко используют синергический эффект от КСО. Наиболее перспективными направлениями для увеличения прибыли от использования данного инструмента выступают:

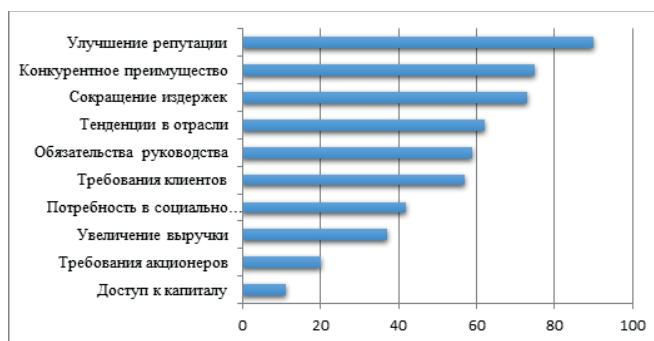
- лояльное к компании сообщество;
- снижение транзакционных издержек;
- снижение уровня неопределенности и рисков, соответственно;
- повышение капитализации компании за счет роста гудвилла и стоимости акций;
- рост лояльности потребителей;
- снижение издержек на привлечение персонала;
- иными выгодами.

Исследования выявили три основных показателя оценки бизнес-эффекта, связанных с участием компании в благотворительных программах:

- показатель окупаемости инвестиций, направленных в благотворительные программы (return on investment);
- показатель эффективности благотворительной помощи по сравнению с эффективностью других, не благотворительных, средств – реклама, стимулирование продаж и т.д. (efficiency measurement)
- показатель процесса реализации благотворительных программ (process measurement).

По данным консалтинговой компании PricewaterhouseCoopers, которая в 2012 году провела исследование «Sustainability survey», где респондентами стали 140 американских корпораций, главными целями применения корпоративной социальной ответственности являются нефинансовые мотивы компаний, как улучшение репутации, увеличение конкурентоспособности и следование основным тенденциям в отрасли.

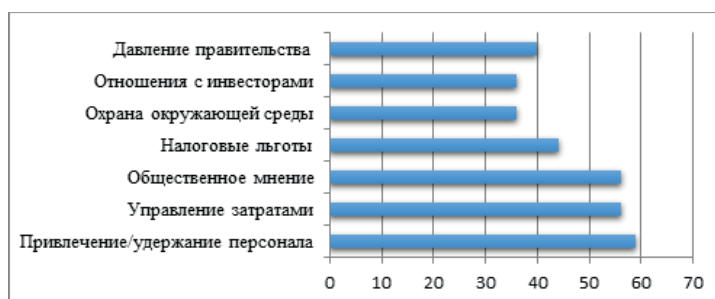
Рис. 1. Причины социальной ответственности компаний

В этом же исследовании PricewaterhouseCoopers отмечается, что в зависимости от размера компании и публичности ее деятельности меняется вероятность развития программы в сфере КСО. Необходимо также подчеркнуть, что 89% исследуемых компаний высказали уверенность в том, что внимание к корпоративной социальной ответственности со стороны фирм будет только расти в ближайшие несколько лет.

Еще одно международное исследование бизнеса, которое провела компания Grant Thornton в 2020 году, также говорит о необходимости внедрения социальных и этических приемов управления компанией, которые могут стать фундаментальными для достижения успеха на рынке.

Рис. 2. Стимулы КСО

Основополагающим фактором, который влияет на развитие корпоративной социальной ответственности, является необходимость привлечения и удержания высококвалифицированных работников (Рис. 3). Использование норм КСО увеличивает рентабельность и привлекательность компании для сотрудников и инвесторов. Также нельзя не отметить влияние таких факторов, как мнение общественности и управление затратами.

Шалтеггер и Вагнер (2006) в своей работе определяют пять основных преимуществ решения экологических и социальных проблем: прямые финансовые последствия. Социально ответственные компании могут получать некоторые преимущества от государства, как льготы, избежание штрафов; рыночные эффекты (удержание клиентов); влияние на бизнес и производственные процессы (снижение издержки производства); последствия

для обучения и организационного развития (мотивация для работников, инновации в ведении бизнеса); нерыночные эффекты (уменьшения давления со стороны общества по загрязнению окружающей среды в результате производства).

Также в исследовании PWC в 2021 году было проведено ранжирование выполнения и популярности ЦУР ООН в России за 2020 год. Результаты исследования показывают, что на сегодняшний день отсутствует единая позиция стейкхолдеров и бизнеса в вопросах приоритетного выполнения той и иной цели, что снижает эффект от выполнения остальных ЦУР компаниями в глазах общества и акционеров компании.

Рис. 3

Агитация собственников бизнеса и государственная законодательная деятельность должна начинаться с разъяснения не только важности повышения КСО производства, но также приведения примеров очевидных выгод для бизнеса из-за притока средств инвесторов в результате выполнения ЦУР.

Примером этого может служить включение компании в различные фондовые агрегированные показатели, которые пользуются успехом среди инвесторов и посредством создания пула компаний с одинаковым направлением роста позволяют наращивать доходность при оптимальном риске.

На практике на основе различных показателей разрабатываются и применяются индексы, в структуре которых конкретно видны взаимосвязи между показателями, что позволяет наглядно выявлять реляционные связи.

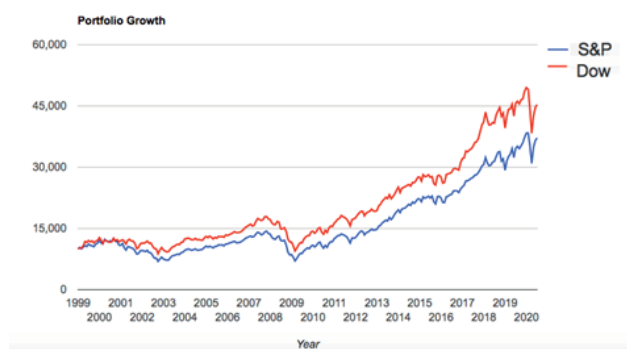
Фондовый рынок для облегчения формирования инвестиционных портфелей создал мировые фондовые индексы – DJSI и его европейский аналог – Доу-Джонс STOXX (Dow Jones STOXX Sustainability Index), который позволяет выявить степень вовлеченности бизнеса в решение социальных проблем. Большинство компаний, активно участвующих в биржевых операциях, стремятся формировать собственные индексы устойчивого развития, которые являются инструментами оценки качества деятельности в сфере устойчивого развития.

Для оценки выполнения ЦУР и уровня КСО рейтинговые агентства ежегодно рассылают компаниям чек-листы из 50 показателей: 60% идентичны для всего рынка, а 40% – различаются по отраслям. После оценки полученных ответов компании распределяются по степени успешности выполнения ЦУР в каждом секторе.

Индекс устойчивого развития Доу-Джонса, который запускался с участием передовых экспертов в области изучения биржевых операций, состоит из 1/10 глобального Dow Jones Industrial Average и включает компании, достигшие существенного успеха в выполнении ЦУР и развивающие КСО. В свою очередь европейский Dow Jones STOXX Sustainability Index состоит из лучших 20% компаний, составляющих индекс Dow Jones STOXX 600 Index.

Попадание в списки индекса устойчивого развития Доу-Джонса существенно повышает инвестиционную заинтересованность в акциях компании и на десятки процентов повышает ее капитализацию. Именно этим объясняется то, что средние финансовые показатели компаний, включенных в индексы, выше результатов Глобального индекса Доу-Джонса. На рис. 4 приведены линейные графики стоимости индексов DJGI и DJSI.

Рис. 4. Индекс Доу-Джонса

В представленной статье изучалось соотношение влияния корпоративной социальной ответственности на финансовую эффективность компании. В целом результаты исследования позволяют более прагматично оценить развитие тенденций в инвестиционной и академической среде, связанных с усилением нормативных требований в отношении социальной ответственности. Преимущественно реаллокативный характер данных организационных факторов, о котором свидетельствуют результаты исследования, подтверждает интуитивное предположение о наличии оптимума социальной ответственности и корпоративного управления, который соответствует не столько программным требованиям акционеров, сколько ожиданиям рынка относительно экономически эффективного предела корпоративного регулирования. При нарушении данного оптимума наблюдается рост риска инвестиций в компанию параллельно с ростом доходности, т. е. в рамках предлагаемой модели корпоративного управления и социальной ответственности положительная динамика данных факторов не обязательно является причиной улучшения инвестиционного потенциала, а может выступать лишь его эмпирическим коррелятом.

Представленные выводы могут иметь определенную ценность для дальнейшего изучения роли организационно-управленческих факторов в формировании финансовой политики и инвестиционного потенциала компаний как на развитых, так и развивающихся рынках. Политика социально ответственного бизнеса позволяет достичь компании стабильного положения на рынке за счет реализации мероприятий, которые помогают выстроить доверительные отношения с клиентами и партнерами, а также сформировать лояльное отношение работников компании и повышение вовлеченности сотрудников в рабочие процессы организации. В свою очередь доверие клиентов и лояльность сотрудников позволяют привлекать дополнительные инвестиции и расширять бизнес.

Список литературы

1. *Беляева И.Ю., Эскиндаров М.А.* Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект // монография – М.: КНОРУС, 2018.
2. Корпоративная социальная ответственность: учебное пособие// Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2019, 292 с.
3. *Литовченко С.И., Корсакова М.И.* Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания//М.: Ассоциация менеджеров, 2013. 100 с.
4. Communication from the Commission concerning Corporate Social Responsibility: A business contribution to sustainable development // [Electronic resource] Brussels, 2016. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2002:0347:FIN:en:PDF>.
5. *Беляева И.Ю.* Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект: монография. / И.Ю. Беляева. – М.: КНОРУС, 2018.
6. Даулинг, Г. Репутация фирмы. Создание, управление и оценка эффективности. / Г. Даулинг. – М.: Имидж-Контакт. 2003.
7. *Бадюкина, Е.* Ответственность и рост рыночной капитализации компаний / Е.А. Бадюкина, Н.В. Кучерина // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2007. № 13. С. 22.
8. *Савицкая Л.* Корпоративная социальная ответственность. Жертвы или выгоды? / Л. Савицкая // Новый менеджмент. 2008.